Король шутов

Автор:
Жерар де Нерваль

Король шутов

Жерар де Нерваль

Нравы французского двора во время правления безумного короля Карла VI и Изабеллы Баварской.

Жерар де Нерваль

Король шутов

I. Суд любви

«Толпа теснилась у входа в светлый зал,

Где ароматы лил в курильницах сандал,

Монарх на троне был. С ним королева рядом,

Как юная луна, всех освещала взглядом,

А шут в безумии, как гаер, ликовал».

Известно, что французские короли двух первых династий, Меровинги и Каролинги, никогда не жили в Париже: первые поселились в нем Капетинги. Они выбрали для себя здание, которое в настоящее время называется «Palais de

Justice».

Известно также, что Карл V, из дома Валуа, ненавидел этот дворец, в котором, во время смут, организованных Марселем, старшиною (prevot) города Парижа королю пришлось перенести много оскорблений. Карл V, оставив этот дворец, переселился в загородный дом, построенный близ церкви «Saint-Pol», от которой он и получил свое название. Неподалеку оттуда, король выстроил крепость для хранения своих сокровищ. Это была Бастилия, обращенная в государственную тюрьму старшиною Гугом Обрио, который способствовал ее сооружению.

Отель «Saint-Pol», с прилегающими к нему обширными садами, окруженными стенами, мог, в случае надобности, выдержать осаду. Здесь то и происходили сцены, описываемые в этом этюде, который только потому не может быть назван романом, что все, рассказанное здесь, исторически верно.

В конце XIV века не было ни мощеных улиц, ни сточных труб, ни фонарей. Дома отличались полным отсутствием комфорта. У самых знатных людей вся мебель состояла из нескольких скамей для сиденья, да еще из особого рода сооружения, служившего шкафом, письменным столом и кроватью.

Отель «Saint-Pol» составлял исключение. Но и здесь лишь простая саржа голубого цвета украшала стены большой залы, где заседал Суд любви (La cour d'amour) под председательством Изабеллы Баварской и где собиралось порядочное число хорошеньких женщин, между которыми мелькали и мужчины, более или менее бородатые.

Среди этого благородного собрания, с каким то обезьяньим проворством, вертелась одна странная личность. Это был коренастый мужчина, не красивый и не безобразный. Из всех кто видел его или кому приходилось с ним разговаривать, никто не мог сказать: «у него такая-то наружность или такой-то голос», – до такой степени у этого человека ежеминутно менялись позы, жесты и голос. Эта странная личность был король шутов.

Посреди полукруга, на котором возвышался подиум, где сидела королева, стояла очень молоденькая девушка, хорошенькая и самого скромного вида. Самый простой простонародный костюм сидел на ней удивительно грациозно, а длинные, густые, черные как смоль волосы, перехваченные стальным обручем, обрамляли прелестное личико, горевшее румянцем стыдливости.

– Подойди, милая, и расскажи, в чем твоя жалоба, – обратилась к ней Изабелла Баварская, возле которой сидел ее царственный супруг, – говори, не бойся. Наш Суд любви рассудит твое дело по всей правде, если только, как мы надеемся, право на твоей стороне.

– Ах, госпожа королева, – ответила молодая девушка, опуская глаза, – мое сердце полно великой скорби и… великого стыда…

– Успокойся, – возразила Изабелла, – и прежде всего скажи нам: кто ты?

– Колина Демер, дочь цирюльника на рынке (des Halles).

– Сколько тебе лет?

– Шестнадцать.

– Хорошо; теперь говори, что привело тебя сюда?

– Я в течение шестнадцати лет всегда шла по прямому пути, – продолжала Колина, по-прежнему опустив глаза.

Король шутов отпустил какую-то шутку на ухо сиру Гюгу де Гизей относительно безгрешной жизни при кормилице и тем вызвал смех у дворянина.

– Сир Гюг, – строго крикнул Карл VI, – наш Суд любви есть суд серьезный, прошу не забывать об этом. Мы восстановили это древнее учреждение, чтобы положить предел распутству, которое, под видом любезности, грозит охватить все.

Потом, обратясь ко всей знати, король прибавил:

– Берегитесь, господа, постоянная любовь сделалась предметом насмешек: верность первых рыцарей считается делом вышедшим из моды… Но зато куда девались былая храбрость и честь? Где они?

Пока говорил Карл VI, мужчины хранили угрюмое молчание; но зато на устах дам мелькала улыбка одобрения.

– Колина Демер, – начала Изабелла, – продолжай свой рассказ.

– Я поступила, – продолжала Колина, – в услужение к герцогине Бурбонской. И вот один знатный господин, который часто бывал у герцогини, обратил взоры на меня…

– И заставил тебя свернуть с прямого пути, – перебил король.

– Да как же могла такая бедная, простая девушка, как я, устоять против обольщений…

– Договаривай! – повелительным тоном произнесла королева.

– Его высочества герцога Орлеанского…

– Орлеанского! – прошептала королева, вздрогнув.

– Моего брата! – вырвалось у короля со вздохом.

– Кто тебе внушил смелость выступать с обвинением против такой высокой особы? – вскричала королева, бросая на Колину взгляд полный ненависти.

– Бог свидетель, милостивая госпожа, что я справедливо обвиняю герцога!

– Где герцог? – спросила с живостью Изабелла у Гюга де Гизей.

– Его высочество на свадьбе у одного из своих офицеров.

– Жаль, что его здесь нет, чтобы опровергнуть наглую клевету этой девчонки…

– А может быть это и не удалось бы ему.

– Так, по-вашему, она правду говорит?

– Я думаю, ваше величество, – простите мою смелость, – что герцог легко мог забыться…

– А вы, сир Гюг, – прервала его королева, – забыли, что обязаны относиться к нему с уважением!

– Дорогая Изабелла, – вмешался король, – такие сильные выражения здесь совсем неуместны. Вспомни, для чего учрежден был Суд любви. Ведь для того, чтобы решать дела, подобные этому? При чем же тут высокое положение? Принц крови, равно как и простой буржуа, одинаково подлежат этому суду… Я вовсе не желаю, чтобы мой брат был осужден голословно. Отложим это дело до следующего заседания.

– Пусть будет по вашему желанию, – ответила Изабелла. – Но прежде, чем мы уйдем отсюда, я хочу предложить еще один вопрос истице. Не знаешь ли ты, милочка, – обратилась она с притворной кротостью к девушке, – ради чего герцог бросил тебя?

– Как не знать, милостивая королева, – отведала со вздохом Колина, – ради одной благородной девицы в Орлеане: ее зовут Мариета д'Энгиен. При этом имени, сир Гюг разразился безумным хохотом.

– Клянусь всеми единорогами моего герба! – вскричал он. – Вот так наделили сегодняшнего новобрачного!.. Ведь невеста то и есть Мариета д'Энгиен.

– С этой стороны все улажено, – сказал король. – Ты также получишь удовлетворение, моя милая, – прибавил он, обратясь к Колине, – если только окажется, что ты говоришь правду. Наш Суд любви установлен именно для подобных дел. Брат мой найдет для тебя мужа из среды служащих при нем воинов.

– Мужа, – перебил сир Гюг, – настолько же пригодного для роли Менелая, как и супруг Мариеты д'Энгиен… знаете, как в вашей пьесе «Разрушение Трои», – обратился он к королю шутов.

– А у супруга Мариеты д'Энгиен кстати и фигура как раз подходит к этой роли, – отрезал мэтр Гонен, король шутов – волосы рыжие, плечи горбом. Он был бы бесподобен в роли святого Иосифа, в мистерии Зачатия, или же в одной из ролей тех шутовских представлений, которые я взял из «Двора чудес».

Королева, только одним ухом слушавшая весь этот разговор, вышла из раздумья, объявив, что закрывает заседание.

– Позвольте еще на минуточку, ваше величество, – сказал сир Гюг – я хочу кое-что сказать.

– Говорите, – ответила Изабелла. – То, о чем я хочу просить ваше величество, – продолжал сир Гюг, – всецело находится в зависимости от прав и привилегий Суда любви. Чтобы убедиться в этом, стоить заглянуть в архивы провинциальных Судов любви – в Пюи, в Э, в Авиньоне, в Марселе, Тулузе… Эти суды присвоили себе право контроля в деле неправильных браков, каковы, например, если вдовец женится на вдове, старик на девственнице, или юноша на распутной женщине. Сегодняшняя свадьба как раз подходит к этим условиям…

– А какой бесподобный сюжет для устройства представления в теперешние масляничные дни! – вскричал мэтр Гонен, король шутов.

– Мэтр! Господин шут, – сказал Карл VI, – уймите свои восторги: мне надоело смотреть, как мои экю с орлом и флорины с портретом королевы расходятся на декорации, костюмы, на музыку: мои золотые монеты обращаются Бог знает во что.

– Но позвольте, государь, подумайте, что для такого забавного зрелища потребуется очень немного: для аксессуаров нужен только кортеж фавнов и сатиров. Что же касается главного действующего лица, то стоит только вытащить из какого-нибудь шкафа старую епископскую рогатую шапку, никогда не появлявшуюся на подобном празднестве.

– Хорош будет супруг, – прервал сир Гюг, – с посохом и в митре с бараньими рогами! Тут будет хохоту на весь великий пост.

– А как вы полагаете, герцог Орлеанский тоже будет смеяться над фарсом, направленным против него? Что вы об этом думаете, Изабелла? Я вижу, ваши мысли далеко отсюда!

– Я слушаю; да! это будет чудный праздник! Жена, муж и любовник! Ах, счастливая мысль, счастливая и притом нравственная! Суд любви ничего не

придумает лучшего, чтобы наказать соблазнителя.

Король, пораженный этим последним замечанием, где высказывалось желание публично наказать виноватого, и приписывая иронию Изабеллы ее негодованию, как председательницы суда, позволил себе лишь одно замечание:

– А как же герцог?

– О, герцог слишком умен, чтобы обидеться на выдумку короля шутов.

– Ну, если вы полагаете, что Людовик не рассердится, то я сдаюсь и даже возьму роль и себе. Кстати, мы можем доставить себе какое-нибудь приятное развлечение теперь, когда французское королевство успокоилось, благодаря перемирию, заключенному нами с Англией. И так, мэтр Гонен, глава Бесшабашных, идите составлять церемониал празднества, касающегося нас. Мы намерены принять в нем участие в костюме забавном и мифологическом, таком, чтобы нас не мог узнать никто, кроме лиц, одетых подобно нам. Кстати, господа, мы не желаем, чтобы на этом празднике повторилась сцена, случившаяся два года тому назад, во время крестин дофина: тогда, во время самого маскарада, придумали очень скверную, злую шутку – сразу потушили все огни, отчего добродетель дам подверглась большим испытаниям. Господин шут, позаботьтесь, чтобы на празднике ни в чем не было недостатка, а также чтобы не растащили нашей серебряной посуды.

Король шутов низко поклонился, но в то же время возвысил голос и отвечал несколько грубовато:

– Это только игра слов вашей милости, государь, антитеза, как мы говорили в риторике в те времена, когда я еще посещал коллегию, на улице Coupe Gueule… О, славное было времечко: был у нас там старик-профессор…

– Ладно, ладно, не изворачивайтесь. Наш дворцовый смотритель не раз жаловался мне, что не мало нашей серебряной посуды пропадало в те дни, когда ты со своей труппой устраивал у нас празднества.

– Честное слово, государь, смотритель старый плут, которого следует повесить. Он сам припрятал эти вещи. Завтра я представлю вам доказательства, и если они будут точны и убедительны, то буду просить вас пожаловать должность

короля des Ribauds (?) одному моему кузену, за которого я ручаюсь, как за самого себя.

– Довольно! Однако, наблюдай за своими дураками.

Король плутов опять поклонился и быстро вышел, боясь, как бы не отменили приказания.

Карл VI, этот болезненный король, у которого здоровое состояние чередовалось с приступами меланхолии и страшного угнетения, очень часто раскаивался час спустя после того, как делал какую-нибудь уступку разорительным фантазиям Изабеллы.

Спеша поскорее выйти, глава Бесшабашных натолкнулся на входившего в эту минуту вельможу и принялся униженно кланяться ему и рассыпаться в извинениях. Это был Иоанн, герцог Неверский, наследник герцогства Бургундского, один из могущественнейших вассалов короля.

Но герцог прервал его веселым тоном:

– От принца к принцу – рукой подать: давай же свою, великий герцог!

И, схватив руку мэтра Гонена, он дружески сжал ее в своей руке, сильной и широкой, которая, в случае надобности, могла бы заменить тиски.

В самом деле, этот принц с широчайшими плечами, бычьей шеей, с лоснившимся лицом, немного кривоногий, мускулистый и нервный, был типом тех могучих рыцарей, с закаленным сердцем внутри и железной броней снаружи, которых поистине можно назвать кариатидами средних веков.

Он подошел к королю, который сначала не разглядел его, и прошептал ему на ухо:

– Государь, у вас при дворе есть плуты более опасные, чем эти Бесшабашные.

– А, а, – проговорил король. – Давно ли здесь, кузен?

– Несколько минут; мне сказали, что у вас здесь совет, а так как мне надо переговорить с королем о делах политических…

– А, хорошо! – перебил король, зевая. – Но вы что-то сказали про плутов?

– Я имел в виду ваших дядюшек, – смело отвечал герцог, – герцогов д'Анжу, Беррийского и Бурбона.

– Ба! Это старая история! – вздохнул король, пожимая плечами, – вы опоздали… Но так как вы собираетесь говорить о политике, то мы сейчас же отправляемся в большой совет и дадим вам аудиенцию.

Затем, поклонившись дамам и поцеловав руку у королевы, король приказал вельможам идти за ним и вышел сам, опираясь на руку Иоанна Неверского.

Как только король и человек десять дворян удалились из залы, Суд любви преобразился: каждая дама пододвинулась поближе к своей приятельнице, составились группы, и отдельные разговоры, тихие, как жужжание роя пчел, послышались по всей зале. Все эти юные и благородные владелицы замков вынули из своих сумочек вышивки и стали работать пальцами, между тем как с губ их сыпались комментарии по поводу только что закрывшегося заседания Суда любви.

Королева, видимо озабоченная, с нахмуренным лицом и сжав губы, ушла к себе.

Недоставало живописца, чтобы изобразить прелестную картину этого собрания. Несколько дам уселись кружком у огромного камина, где с треском горел чуть не целый ствол дерева. Кристина де Позан, облокотясь на ручку своего кресла, казалось прислушивалась ко всему, что говорилось вокруг нее, но прекрасная венецианка; по всей вероятности, мечтала о «dicts monaux», которые тогда собиралась писать.

Рядом с нею молодая жена камергера (chambellan) Савоази, величественного вида и с ангельским взглядом, наматывала золотые нити на маленькую перламутровую катушку.

Подальше – статс-дама Изабеллы Баварской, с нежным лицом и белокурыми волосами, разделенными на грациозные кольца, твердила вполголоса балладу Алена Шартье.

Живая и подвижная маршальша Бусико, волнуясь и кипятясь по поводу каждого вздора, шумно расточала комментарии, по поводу и без повода, и колола соседок своей золотой шпилькой.

Между этими дамами различного возраста отличались герцогиня Беррийская, прекрасная блондинка, ее кузина, герцогиня Анжуйская, тоже не менее привлекательная блондинка, и герцогиня Бурбонская, важная и серьезная, точно заседание Суда любви еще продолжалось. Она раскрашивала рисунки на драгоценной веленевой бумаге, между тем как дочь ее, обворожительный бесенок лет 13-14, гонялась за прелестной левреткой, которая, очертя голову, скакала между группами.

Чтобы дать больше простора этой шумной беготне, группы расстроились, дамы собрались в кучку. Нужно же было поговорить, после толков о любовных похождениях герцога Орлеанского, о предстоящем знаменитом маскараде? Ведь едва оставалось времени для приготовления костюмов. Вышивки были спрятаны в сумки и весь рой разлетелся, чтобы вынимать из баулов уборы и драгоценности и убедиться, что они достойны таких прекрасных и знатных дам.

II. Государственный совет

«Мы видели народ и двор лицом к лицу.

Знать, окруженную блестящими войсками,

Народ, с оружием идущий смело в бой.

Она – дрожащая – была жалка с гербами,

Он, – храбрый, был велик своею нищетой».

Солнце склонялось к западу, когда король и герцог Неверский, в сопровождении членов государственного совета, вошли в залу со сводами, украшенными

золочеными арабесками. Свет, проникая через стекла высоких стрельчатых окон, играл на богатых обоях, испещренных золотыми и серебряными французскими лилиями, покрывавшими стены обширной залы совета.

Посредине этой залы стоял широкий и длинный стол, покрытый зеленым саржевым ковром с кистями из красной шерсти. На самой середине этого ковра была вышита белой шерстью огромная розетка, на которой стояла громадная чернильница, заключавшая в себе также песок, сургуч и королевскую печать. Кругом были разбросаны перья и листы бумаги.

Против короля поместился секретарь его Ален Шартье, готовясь писать под диктовку своего повелителя.

Когда все члены совета уселись и сняли шляпы, между тем как один только король оставался с покрытой головой, Карл VI обратился к Иоанну Неверскому, который не садился, что тогда было в обычае, если кто хотел держать речь.

– Видите ли, кузен, как быстро наш Суд любви обратился в государственный совет… Ах! И Суд любви бывает иногда столь же важен! Любовь приносит столько же забот, как и ненависть… Но вы хотите говорить с нами о чем-то важном. Начинайте.

– Вам известно, государь, – начал Невер, – что Сигизмунд Венгерский, ваш верный союзник, находится в опасности: если христианские государи не придут к нему на помощь, то турки завоюют его королевство. Он уже не один раз просил вас о помощи, и я пришел вам напомнить об этом, потому что вокруг вас столько шума и гама от беспрерывных праздников и пиров, что голос погибающего друга может затеряться в этом.

Эта гордая речь смутила короля.

– Иоанн Неверский, имеете ли вы право поднимать столь важный вопрос, если вы еще не принимали участия в наших советах?

Молодой человек хотел ответить, но вдруг увидел входящего Людовика Орлеанского. Последний тоже увидел Невера, остановился на пороге и что-то сказал своему пажу, который тотчас же ушел.

Герцог Иоанн инстинктивно догадался, что в этом обмене слов между принцем и пажом дело шло о нем. Он весь вспыхнул, но сдержался:

– Совершенно справедливо, государь: я еще не принимал участия в ваших советах. Однако, здесь же, в этой зале, я вижу кое-кого, кто не старше меня, а между тем вмешивается в управление государством, что подобает лишь людям старым, опытным и сведущим в науке управления государством.

– Боже истинный! Герцог, вы осмеливаетесь делать намеки на особу нашу?

– Сохрани меня небо! Вы – король и законно исполняете обязанности короля.

Затем, уже не скрывая своей антипатии, он указал рукою на герцога Орлеанского, прибавив:

– Здесь речь идет о кузене моем, герцоге.

Лицо Карла VI, на минуту омрачившееся, сразу прояснилась, как только он увидел брата, к которому и обратился с улыбкой:

– А! Ты уже вернулся, Луи. Ну, садись же. Нам тут много кое чего решить нужно. Но, прежде всего, займемся тем, что ответить герцогу Неверскому.

– Если вы дозволите мне, брат, я возьму это на себя.

Король утвердительно кивнул головою. Герцог Орлеанский почувствовал себя смелее и начал так:

– Разве военное дело, в котором кузен наш приобрел уже такую славу, прискучило ему? Или он полагает, что совершил уже слишком достаточно, чтобы отдыхать в государственном совете?

– Ваше присутствие здесь, прекрасный кузен…

Иоанн Неверский протянул слово прекрасный. Его прервал Людовик Орлеанский: он высокомерно расхохотался и, встав с места, сказал ему:

– Продолжайте! Я принимаю эпитет прекрасного: это принадлежность царской крови. Есть довольно других для украшения оборотной стороны медали.

Невер закусил губы, а все члены совета скривили угол рта: ни более, ни менее они не могли сделать. Действительно, Людовик Орлеанский был прекрасный, стройный, грациозный, изысканно-любезный мужчина. Это был тип благородного и изящного рыцаря, безукоризненно и очень роскошно одетого.

Герцог Неверский продолжал:

– Ваше присутствие здесь, прекрасный кузен, ни в каком случае не может подать мне мысль, что военные труды служат обязательной прелюдией к государственной деятельности.

Вмешательство короля прервало этот обмен колкостей.

– Слушайте, господа, разве мы здесь собрались затем, чтобы слушать ваши взаимные насмешки, которыми вы обмениваетесь при каждой встрече? Вернемся к упреку, обращенному к нам нашим кузеном герцогом Неверским, за то, что мы медлим оказать помощь Сигизмунду Венгерскому.

– Этот упрек, государь, – возразил Невер, – если так вам угодно называть его, исходит не от меня, а от Филиппа Бургундского: слова сына только отголосок чувств отца.

– А, если так, – отрезал Орлеанский, точно выстрелил из лука, – то пусть этот самый отголосок с точностью передает ему вот что: мы – добрые христиане и боимся Бога, но время крестовых походов прошло и никогда не вернется. Во Франции в настоящее время мир – в первый раз с тех пор, как регентство наших дядюшек уступило место правлению короля, нашего брата.

Говоря это, Людовик указывал глазами на трех герцогов – Анжуйского, Беррийского и Бурбона, которые даже не шевельнулись.

– И вот, – продолжал герцог Орлеанский, – не успели еще закрыться две раны, через которые отчизна истекала кровью – разумею Англию и Италию, и малейшее движение может раскрыть эти раны, отчего боль будет еще сильнее…

Мы сделали все для мира и надеемся сохранить его: это поведет Францию к благоденствию. Лилии, эмблемы нашей монархии, не могут цвести среди урагана.

– Это эмблема обманчивая и никуда не годная, – возразил Иоанн Неверский. – Старинные короли Франции имели в гербе не цветы лилии, но наконечники копий; это значило, что монархия может держаться и крепнуть в силе только войною. Они, конечно, это хорошо понимали, эти короли ваши предки, государь, если завели в Палестине нескончаемую войну, которая поддерживала мужество французских вельмож, улаживала их раздоры и очищала страну от того избытка мятежной черни, которая столько раз беспокоила трон… А посмотрите вокруг, до чего мы дошли! Правда, у нас мир, но благоденствие – где вы его видите? Неприятель не разоряет больше наших провинций; но ваше дворянство оскорбляет и грабит народ, а после дворян – их слуги, их псари, до тех пор пока ничего не остается. Теперь уже не военные издержки истощают государственную казну, но роскошь, празднества! Прибавьте к этому, что такой образ действий все более и более уничтожает любовь народа к монархии и уважение к дворянству. Сколько уже было смут, доказывающих это! Вы видели, как отказывались платить налоги, вы видели, как большие города Париж и Руан не признавали королевской власти, Жаки, Мальотены доказали, что виланы уже не боятся ваших больших, закованных в железо лошадей и украшенного гербами вооружения ваших рыцарей. Вы много раз уже пробовали надевать на них свои доспехи и видели, что они приходились им впору, и что, при опущенном забрале, вилан ничем не отличается от синьора. Чем же исправить все это зло? Я сказал уже: только войной, святая и благородная, она даст дворянству возможность очистить в крови неверных свои почти стертые гербы, возвратить ему утраченное уважение, которым народ обязан дворянству.

Речь эта произвела глубокое впечатление, но Орлеанский скоро установил равновесие.

– Уважение черни? Вот новости! Разве эти дураки смеют осуждать своих господ и властелинов, поставленных над ними Богом? Они ли для нас созданы или мы для них? О, какой это гнусный народ, грязный, безобразный! Он лает и кусает, как собака, всех без разбора. Боже правый! С самой фландрской войны, – я ненавижу эту чернь, а уж в особенности парижскую, как самых лютых зверей. Ведь тогда, во всех больших городах Франции, чернь была против нас и сочувствовала бунтовщикам, которых мы шли бить. А что мы получили по возвращении? Парижская сволочь овладела властью, и если бы обезумевшие от

страха буржуа не отперли нам ворот, то пришлось бы осаждать Париж. И при подобном то положении дел тут хотят, чтобы дворянство шло на смерть за четыреста миль отсюда, оставляя свое имущество и власть в руках разных Жаков, Мальотенов, или еще какой-нибудь народной партии. Честью клянусь, я скорее согласен, чтобы Франция попала во власть…

– Брат! – закричал Карл VI, вскочив с места, – не извращай вопроса, не кощунствуй! Кому же тогда кричать: «Да здравствует Франция!» если не Людовику Французскому?

Король опять сел, а одобрительный шепот успокоил его волнение. Иоанн Неверский усмехнулся, герцог Орлеанский попросил у короля извинения и продолжал:

– Что же касается нашей роскоши, наших празднеств, нашей расточительности, которые вы порицаете, сын Филиппа, то они гораздо более нужны для нашей политики, чем для нашего удовольствия. Необходимо держать в нищете этот народ, который в довольстве тотчас же подымет голову и во время войны пользуется нашими денежными затруднениями, чтобы откупаться на волю. Скоро половина страны будет свободна, а такое положение для этих людей чудовищно, противоестественно.

Герцог Бургундский хотел возражать, но сир Гюг де Гизей, поддерживавший политику королевского брата, перебил его.

– Помимо городов, – сказал он, – которые большей частью уже свободны, даже в деревнях уже встречается мужичье, у которых есть собственные дома, земли, фермы…

– Да я же говорю!.. Это чудовищно, – вскричал Орлеанский, смотря с иронией на кузена. – А сколько есть дворян, которые думают, что жены их существуют только для них одних!

Иоанн Неверский, казалось, не почувствовал этого удара прямо в грудь, он только прошептал так тихо, что никто не расслышал:

– Бедная Маргарита! – Есть даже такие, – продолжал сир Гюг, – которые ездят на лошадях, будто дворяне, и водят за собой лакеев, точно так, как наши лакеи

водят за собою собак.

Каждый из членов совета, по примеру сира де Гизей, вставил свое словцо, отпустил насмешку на счет народа.

– Вы слишком далеко заходите в ваших речах, господа, – заметил король добродушно, но видимо взволнованный. – Я, право, не вижу худого в том, чтобы простой народ пользовался кое-каким довольством и пусть небольшой свободой. Я вижу теперь, что это общий недостаток воспитания, в силу которого людей низшего класса до сих пор ценили ни во что, между тем, многие из них обладают и мужеством, и благородством души, поэтому, я вовсе не разделяю образ мыслей моего брата, который полагает, что держать их в повиновении можно только притеснениями и тяжкими налогами. Я уже уничтожил многие налоги, по ходатайству университетского канцлера, и еще уничтожу некоторые, в свое время. Я всеми силами противлюсь расточению общественной казны. Но что касается частных празднеств, на которые вы, Иоанн Бургундский, жалуетесь, то этому виной мое плохое здоровье. Доктора постоянно твердят мне, что я могу вылечиться только при непрерывных развлечениях и удовольствиях.

– Государь, здоровье ваше, по-видимому, не так дурно.

– Теперь оно, конечно, лучше, но вы забываете, что эти мрачные мысли, этот упадок духа, которым я подвержен, вызваны были переутомлением во время похода; достаточно какого-нибудь душевного потрясения, чтобы припадки вернулись с новой силой, а может быть и того хуже… однако, если мне не суждено, подобно королям, предкам моим, побеждать неверных, во имя Бога и чести, то я могу послать вспомогательный отряд, правда, незначительный, но которому я надеюсь придать важное значение в глазах нашего союзника, назначив начальником этого отряда вас, герцог Неверский.

– Государь, я сочту это за счастье и буду гордиться такой честью.

Король знаком руки подозвал к себе Жана Бусико, маршала Франции и своего друга детства. Несколько минут они вполголоса говорили между собою, после чего маршал вернулся на свое место, а Ален Шартье составил нечто в роде протокола заседания и подал Карлу VI, который, подписав бумагу, передал ее камергеру (chambelan) Карлу де Савоази. Затем король снова заговорил:

– Вы сами видите, кузен, это заседание утомило меня… голова у меня слаба. Приходите завтра во время совета, мы подумаем, как устроить все это. А пока, в ожидании, не хотите ли присутствовать сегодня вечером на нашем празднике? Будет шумно и весело. В этом мое лечение… мне нужен блеск, веселье, танцы. Это меня развлекает, разгоняет эту меланхолию, которая, по-видимому, угрожала моему рассудку…

– Бог да помилует вас, государь, а также Францию!

– Благодарю вас за короля, моего брата, герцог Неверский. Ах! если вы пожалуете сегодня, то привезите нам герцогиню Маргариту. Она будет блистать при дворе, как богиня Венера на Олимпе, и это будет большая честь для вас – ее счастливого супруга, – сказал герцог Орлеанский.

– То есть Вулкана, если уже продолжать аллегорию, – пробормотал сир Гюг.

– Благодарю, кузен, но герцогине Маргарите нечего делать на ваших праздниках и шутовствах. Ваши придворные дамы привычнее к этому, они могут более блистать, чем она. Ее бы это стесняло… Еще раз благодарю вас и прощайте.

После этого ледяного приветствия, герцог вышел из залы, которая мало-помалу и совсем опустела. Заседание было кончено, публика разошлась, остались только король и брат его.

– Вы отлично придумали, ваше величество, – сказал герцог Орлеанский, – удалить от двора этого толстого бургундца. Противен он мне со своим цензорским тоном и манерами скототорговца. Да и вся эта бургундская семья смахивает на мужиков, точно они вышли из черни!

– Ну этот, по крайней мере, доблестный рыцарь: я уважаю его еще больше чем люблю.

Разговаривая таким образом, братья вышли из залы заседаний и направлялись по галереям отеля Сен-Поль, которые вели в сад. Пройдя его, они поднялись по ступенькам крыльца, примыкавшего к другому флигелю здания, где находились апартаменты короля, и вошли в одну из комнат. Здесь был обширный камин, в котором пылало толстейшее полено, распространяя приятную теплоту, которую, впрочем, можно было почувствовать только усевшись поближе.

Король и герцог подошли к камину, взяли каждый по стулу, сели и некоторое время молча грелись.

В эту минуту на стене в глубине комнаты вырисовалась тень женщины. Стена эта была покрыта не обоями, а толстой фландрской кожей, на которой привешено было несколько картин Жана Море – Тициана той эпохи, у которого Людовик Орлеанский учился живописи на стекле.

Карл VI, слегка продрогнув, собирался коснуться щекотливого вопроса о Колине Демер, обольщенной и брошенной, затем перейти к замужеству Мариеты д'Ангиен, спросить об имени офицера, так любезно шедшего навстречу капризам принца, у которого была молодая и хорошенькая жена, красавица Валентина Висконти, покинутая своим супругом и повелителем и изнывавшая в его отеле де Бреген.

Старший брат собирался прочесть младшему целую лекцию о нравственности, но вошла королева Изабелла Баварская и уселась поодаль. Она смотрела на них обоих, сравнивая одного – изящного, стройного, красивого, с королем, хилым, болезненным, бледным, с незначительными чертами лица, не выказывавшими и той доли ума, какая была ему отпущена небом.

Изабелла с презрительным сожалением смотрела на своего иззябшаго, дрожавшего от холода мужа, забывая, что отель «Сен-Поль» почти не отапливался, что король простудился в зале совета, где даже не было камина. В те времена это не было редкостью даже при дворе.

Из исторических документов видно, что залы парламента, где заседания начинались с семи часов утра, освещались лишь двумя свечами желтого воска, а печей не топили вовсе. Члены парламента до такой степени зябли, что часто не могли вести заседаний.

В отеле «Сен-Поль», как повествует хроника, отапливались только три комнаты: спальни короля и королевы и зала, куда мы ввели читателя. Из уважения к дамам зажигали также охапку дров в зале, где заседал Суд любви, но как только заседание кончалось, дрова тушили.

III. Изабелла баварская

«Нередко в час ночной, мне снится странный сон

И пробуждаюсь я… как камень давит он.

Любовь, желание и ревности томленья

Мне отравляют жизнь в минуту пробужденья».

Пылкая, надменная, самовластная, с неизменно сжатыми углами рта, Изабелла Баварская с первого взгляда казалась необузданной и злой. Но в спокойном состоянии духа ее физиономия представляла собою спокойную, несколько строгую германскую красоту. Кровь галлов, смешавшись с кровью скандинавов и итальянцев, расцвела в ней пышным цветком. Лицо у нее было продолговато, нос с небольшой горбинкой, тонкие губы, густые брови дугой, большие голубые глаза с длинными шелковистыми ресницами, блестящие зрачки этих глаз дышали сладострастием; лицо было белое с розовыми щеками. Руки у нее были удивительной формы: маленькие, с ямочками. Ее свободная осанка напоминала скорее юг, чем запад, словом все в ней дышало негой и страстностью.

Изабелла бывала иногда весела, резва, даже шаловлива, но теперь лицо ее выражало совсем другое: вся ее сосредоточенная фигура напоминала скульптурное изваяние, низкий лоб был нахмурен, побледневшие губы выражали досаду, и с ее кошачьей грацией она теперь напоминала львицу.

Ее не заметил пока ни один из братьев, и она не знала, на что решиться: подойти ли к ним или же удалиться так же не слышно, как и вошла. Дождется ли она случая увидеться без свидетелей, глаз-наглаз, с герцогом Орлеанским?

Остаток стыда боролся в сердце супруги с пылкостью любовницы, чуждой всякого самообладания. Но стыд напрасно боролся против ревности: статуя медленно скользнула с подмостков и очутилась как раз перед герцогом, который тотчас же встал и предложил ей свое место.

– Как! Это вы, королева? Какой приятный сюрприз! – сказал он.

– Вы бы постыдились говорить со мною, герцог, после того, что мы узнали!

– А что же вы узнали такого важного?

– Да вы откуда теперь, позвольте вас спросить?

– Мы сейчас только из Совета.

– А до Совета где вы были?

Орлеанский медлил с ответом. Король, улыбаясь, мешал в камине дрова и в душе восхищался мыслью, что у него жена – настоящая Лукреция, президент Суда любви, так строго относящаяся к поведению принца крови.

В глубине души Карл VI чувствовал снисхождение к брату и говорил сам себе:

– Он на четыре года моложе меня, у него железное здоровье, огненный темперамент, пылкое воображение!

И добрый брат, добрый король, продолжал еще усерднее ворочать головни.

– Где же вы были до Совета? – повторила королева, раздраженная молчанием принца.

– Перед Советом я присутствовал на свадьбе Марьеты Ангиенской с одним из моих офицеров, мессиром Обером ле Фламан.

– Так это правда? Вы не отрицаете?

– Зачем же мне отрицать? Я даже не понимаю, почему вы удивлены, королева, ведь вы даже приданое дали невесте.

– Вы так просили меня об этом! Но тогда я не знала, почему вы так упорно хотите выдать эту девушку за человека неприятного и смешного, и почему она нисколько не противилась этому.

– Она бедная девушка. Я дарю ее мужу, Оберу ле Фламан, значительное поместье, она станет теперь дамой высшего общества. Для нее это партия,

каких, по нынешним временам, не много.

– А-а! Вы дарите ее мужу поместье? А тут, кто-то говорит, что вы кстати дарите ему и наследника… Это достойно такого благородного принца, как вы… такого…

Изабелла готова быта забыть о присутствии короля, раздражение увлекало ее. Вдруг она остановилась.

– Вы, конечно, шутите, королева, – сказал герцог двусмысленным тоном, в котором было и желание удержать Изабеллу, и вызов.

– Нет, нет, – с укоризной вмешался король, – королева не шутит! Ведь вы, брат мой, как сюзерен, имеете же право первой ночи.

– Если бы вы, государь, и не уничтожили этого права, то я не стал бы пользоваться им. Я не хотел бы так плохо вознаградить верного слугу.

– Хорошо, Луи очень хорошо! Я желаю, чтобы в мое царствование законы пользовались уважением, и вы первый должны подавать тому пример.

Изабелла, задетая за живое настолько же мужем, насколько любовником, заговорила с живостью:

– К чему это лицемерие, эти извороты, герцог? Разве вы не видите, что нам хорошо известна эта история? А от кого мы ее знаем? От другой девушки, брошенной вами.

– О ком вы говорите?

Орлеанский, по-видимому, искренно не понимал в чем дело.

– О ком? Мало ли их у вас! О Колине Демер! Вы два раза виноваты! Вы сделали два преступления, две подлости!

– Именем Феба, государыня! Стоит ли самый обыкновенный случай такой грубой брани.

– Да, – сказал король, перестав ворочать головни, – ты, Изабелла, заходишь слишком далеко.

Он встал, оттолкнул ногой стул и заговорил тоном властным и в то же время как будто примирительным:

– Я думал, что вы шутите, а выходит, что вы оба выходите из себя. Твои глаза пышут гневом, Людовик, а по вашим глазам, королева, видно, что и вы сильно раздражены, это уже ссора. Да разве при французском дворе подобное приключение новость? Благодарение Богу, любовные грехи всегда отпускаются. Мой указ против разврата направлен только против насилия. Если прародители наши были наказаны за ослушание, то и тогда наибольшее наказание понесла женщина. А мы прибавили к этому наказанию еще стыд. Женщина сама должна непрестанно беречь свою честь. Следовательно, там где не было насилия, нет и преступления, а лишь проступок, единственным оружием против которого мы ставим выговор. Постановив это, мы, по закону, предоставляем вам, королева, как председательнице Суда любви, наложить на Людовика штраф, но как государыня, вы должны относительно его воспользоваться правом помилования, точно так же, как поступаю и я, а затем, пусть об этом больше и речи не будет.

Королева слушала, нахмурив брови.

– Ну, полно! – сказал Карл VI, уже вполне добродушно, – подайте друг другу руки.

– Незачем, – пробормотала Изабелла, – я об этом больше говорить не стану.

– Руку подайте! Cordieu!.. Что же, я не король, что ли? Руку, говорят вам! А!.. Ну, хорошо! Нагнитесь, королева, чтобы я мог поцеловать вас в знак примирения. Ну, теперь я пойду распорядиться на счет нашего бала. Это наш первый бал на масляница, и я хочу, чтобы он был великолепен.

Очень довольный своим судом, Карл VI ушел, и пока слышны были его шаги, раздававшиеся по плитам, оба противника сидели молча друг против друга. Но едва звук шагов замолк в отдалении, тон разговора между Изабеллой и Орлеанским круто изменился: «ты» заменило «вы» и ссора снова возгорелась.

– С ума ли ты сошла, Изабелла, – сказал герцог. – Разве можно было говорить со мною так при нем?

– Я не могла удержаться от гнева, до которого довела меня твоя измена. И теперь еще, если бы я не удерживалась, я бы разодрала тебе ногтями все лицо.

– Вот уж чисто германская ревность, моя красавица. Наши французские дамы так не делают.

– Оттого, что они меньше любят.

– Нет! – а оттого, что они лучше мирятся с жизнью. Будем говорить напрямик, моя королева; связавшись с тобой, я ведь не заключал условия быть у тебя в кабале.

– Значить, кабала выпала только на мою долю?

– Нисколько! И мне, и тебе предоставляется полнейшая свобода.

– Ах! У тебя нет ни сердца, ни души!

– Я вам сейчас докажу противное: я прочту вам балладу, сочиненную в похвалу вам. Садитесь и слушайте.

– Вы издеваетесь, Луи, мы очень виноваты перед королем, и ваше поведение служит мне жестоким наказанием.

– О, пожалуйста, ни слова об этом, моя прекрасная королева! Любовь и угрызения совести – эти два слова не рифмуют. Лучше прослушайте мои стихи.

– Людовик, эта девушка, которую вы выдали замуж, останется при вас?

– Это будет зависеть от ее мужа.

– Ну, слушайте. Я согласна забыть ваше вероломство, только с одним условием. Вы дали им поместье, пусть они уедут туда завтра же. Я требую этого.

– Вы очень недоверчивы, Изабелла. Ведь теперь при ней будет муж, который будет стеречь ее. Это один из моих лучших офицеров.

– Один из самых преданных вам? Да? Преданный до бесстыдства!

– Вы клевещете на него!

– Так вы очень дорожите ею, этой женщиной! Нет, все равно, я остаюсь при своем.

– Хорошо, будь по вашему… но послушайте же мою песню.

– Такая и песня видно, как ваша любовь!

– Она написана очень трудным метром. Рифмы у нее особенные, это аллегория, из которой видно, что она вдохновлена королевой!

– Ах, я знаю вас, пустой рифмоплет! Вы ничего не любите кроме шума, празднеств. Кроме того, что блестит и сияет, прекрасные цветы, песни, раззолоченные одежды, переменных любовниц. Вы жестокий и бесцельный честолюбец, вы занимаетесь политикой только затем, чтобы иметь средства удовлетворять вашей нелепой расточительности, вы любите искусства от безделья и из тщеславия, вы рыцарь только на турнирах, но вас страшит война с ее трудами и опасностями; вы полюбили меня мимоходом, как всякую другую, недурную собой женщину: и вот теперь вас уже удивляет и тревожит страсть, неосторожно пробужденная вами из-за каприза, страсть, которая опутывает вас, и вы заметили это только сегодня, как птица, которая в первый раз потянет цепочку и чувствует себя на привязи.

Королева была права: герцога тревожила ее пылкость, он хотел лишь позабавиться над ней.

– Чтобы говорить так долго, нужно, по крайней мере, сесть.

Подтолкнув к камину кресло, Орлеанский хлопнулся в него и принялся мешать уголья, как только что мешал король, брат его. В таком положении он слушал королеву с видом человека, решившегося выдержать целый час скуки.

Изабелла не заметила или притворилась, что не замечает этого скучающего вида. Она продолжала свою отповедь, как женщина, решившаяся настоять на своем и добиться повинной от этого герцога который изменял ей для соперниц, недостойных королевы.

– Людовик, – говорила она, – неужели вы никогда не будете благоразумнее? Если бы я думала, что все это лишь увлечения молодости, я бы переносила терпеливо, любя вас, я также думаю и о будущем. Я ведь не то, что обольщенная девочка, которая плачет и честь которой прикрывают браком. Чтобы заставить меня изменить обязанностям супруги и королевы, нужны были могучие чары, и горе вам, если связь, соединяющая нас, была с вашей стороны лишь прихотью мимолетной фантазии! А я? Я вложила в это всю душу свою, всю мою жизнь в этом мире, а в будущем – может быть вечное проклятие…

При этих последних словах, герцог поднял голову, но почти тотчас же опустил ее, под проницательным взглядом, в котором доканчивалась мысль, трудно выражаемая словами.

Изабелла продолжала, задыхаясь:

– Куда только не завлекло меня желание создать вам славу и могущество! Чего я ни делала, чтобы предоставить вам в королевстве власть, которой вы пользуетесь за устранением дядей короля и этого Иоанна Неверского, который завидует вам и ненавидит вас! Сказать ли вам все? В ослеплении моей страсти совершенно бескорыстной, имеющей целью только вашу будущность, разве не мечтала я иногда, что между вами и престолом стоит лишь слабый и болезненный король, для которого смерть была бы, может быть, благодеянием, лишь бы только она была спокойная и медленная.

Орлеанский вскочил с места, выпрямился во весь рост и, отступая в ужасе, вскрикнул:

– Что вы говорите, королева!

– Да, я настолько люблю тебя, – холодно проговорила Изабелла.

– Что же это за любовь? Она страшит меня. Или мы вернулись к временам королей первой династии? Или вы хотите присоединить имя Изабеллы Баварской

к именам Брунгильды и Фредегонды?

– А! Ты думаешь, что можно безнаказанно играть счастьем женщины такой, как я! Совратить ее со стези добродетели и потом бросить, как выдохшийся цветок? Нет, нет! Раз свернув, благодаря тебе, с пути добра, я почувствовала как в душе моей проснулись новые свойства. Честолюбие охватило меня, когда я увидела, что власть уходит из рук моего супруга и возвращается к его дядям, и это честолюбие послужит только в пользу тебе, если ты захочешь, или же ты будешь только орудием его. Выбирай же! Но знай, что отступление невозможно.

– Королева, вы приводите меня в ужас и глубоко огорчаете. Какое бремя вы хотите возложить на мою леность, мою беззаботность? Если я возвышал голос в Совете, если я даже принимал участие в политике, то единственно из желания поддержать привилегии дворянства, на которое так часто стали нападать в последнее время, да еще чтобы недопустить войны, которую ненавижу всем сердцем. Но домогаться власти! Примерять на голову себе корону? Э, ваше величество, она и не удержится на мне, она упадет мне на шею, как ошейник невольника.

Королева закрыла себе лицо обеими руками и прошептала:

– Корона или ошейник – ты их попробуешь.

В эту минуту любимый паж герцога, постучавшись в дверь, вошел в залу и прямо подошел к герцогу.

– Паж, что тебе надо?

Паж проворно сунул в руку принца письмо, прошептав:

– Ваше высочество, от герцогини Неверской. Потом громко, как будто только в этом и состояло его поручение, проговорил:

– Мессир Обер ле Фламан с супругою желают вам представиться.

– Пусть подождут! Я теперь занят с королевой.

– Пусть войдут, – сказала Изабелла.

– Пожалуй, пусть войдут! – проговорил беспечно Людовик.

Когда паж вышел, Изабелла Баварская поспешила прибавить повелительным тоном.

– Пусть войдут и пусть сейчас же уезжают в свое поместье, – слышите ли?

И, не дожидаясь ответа герцога, она быстро вышла.

IV. Мариета д'Ангиен

«О, отпусти меня! Еще свободна я!

Потом мне не уйти, потом, обет забывши

И умирая, все ж скажу: люблю, люблю, твоя…

Но счастлив будешь ли, всю жизнь мою разбивши?»

Читая послание, принесенное пажом, Людовик Орлеанский, со свойственным ему легкомыслием, уже не думал об обиде, нанесенной ему дочерью Стефана II, графа-палатина Рейнского, и Тадеи Висконти. Он чувствовал потребность забыть на время о той силе, которая, как со ступеньки на ступеньку, толкала Изабеллу сначала к прелюбодеянию, теперь к цареубийству… от которого ее спасло впоследствии сумасшествие короля.

Действительно, со времени болезни короля, правление перешло в руки его жены.

Людовик Орлеанский, которому предназначено было сделаться отцом весьма известного поэта Карла Орлеанского, и сам временами отдавался поэзии, но прежде всего это был человек страстно любивший удовольствия и по-временам впадавший в благочестие.

Влюбчивый по темпераменту, чуждый сословных предрассудков, он увлекался и брюнеткой, и блондинкой, дворянкой и мещанкой, городской девушкой или сельской вассалкой; все они имели одинаковое право на его мимолетную любовь.

Роскошный бюст, тонкая талия, стройные члены привлекали и восхищали его. Красивая рука и маленькая ножка приводили его в экстаз.

И обо всем этом мечтал Орлеанский, читая письмо Маргариты Гено – герцогини Неверской, ибо Маргарита обладала всеми этими совершенствами.

Но появление Мариеты д'Ангиен, за которой следовал ее муж, заставило его забыть обаятельную мечту для милой действительности.

– Подойдите, Обер, и вы, наша милая новобрачная.

Слово «наша» не произвело никакого впечатления на мужа, но заставило покраснеть молодую женщину, отчего она стала еще красивее.

– Ну что, – продолжал герцог, – мой капеллан, отец Легран, сказал вам хорошую проповедь? Я ушел тотчас по окончании мессы, потому что этот соперник каноника Герсона, если бы увидел меня во время проповеди, то наверное прочел бы мне длинное наставление по поводу роскоши моей одежды.

– Я полагаю, ваша светлость, что он сделал бы это лишь для того, чтобы лучше выставить благородство души вашей и ваше великодушие, – ответил Обер.

– Слушайте, Обер: я жалую вас поместьем де Кони, близ Ножана на Марне, приписанное к моему замку де Боте. Я желал, предоставив вам титул и доходы с этого именья, удержать вас при особе нашей. Но непредвиденное обстоятельство заставило меня изменить свое намерение: вы завтра же отправитесь жить в свое поместье.

– Как, ваша светлость! О, для меня это крайне прискорбно.

– Нет, это решено. Но я часто буду ездить в свой замок Боте, когда буду охотиться в Венсенском лесу – это совсем близко от вашего поместья – и тогда

буду вызывать вас к себе… И так, сир де Кони, отправляйтесь проститься с вашими родными, с друзьями и привести в порядок ваши дела, если только они у вас есть. Ступайте!

– Благодарю, ваша светлость, и спешу воспользоваться вашим позволением. Жена моя, если позволите, ваше высочество, останется в приемной, до возвращения моего.

– Пусть она останется здесь. Здесь натоплено, и жене вашей будет здесь гораздо лучше… Кстати, мне нужно передать ей несколько слов от имени королевы, которая пожаловала ей приданое.

Обер раскланялся и вышел с большим достоинством.

Титул сира де Кони сделал из него другого человека, иначе сказать, эта напускная важность, в придачу к его военным ухваткам и грубой физиономии, делала его более уморительным, чем он был на самом деле. На первый раз этот усатый и бородатый солдат производил отталкивающее впечатление. На его загорелых руках выдавались мелкие мускулы, точно дубовые сучья, и свидетельствовали о геркулесовской силе. Его вульгарное сожженное солнцем лицо было шероховато, как кора столетнего кедра. Красноватые нерасчесанные волосы, похожие на кучу бурьяна, обрамляли щеки, испещренные веснушками, точно осенними листьями. На ходу, он ступал так, будто ударял заступом. Когда он стоял на месте, в полном вооружении, по его неподвижности, можно было сказать, что он пустил в землю корни.

Взгляд его, блестящий словно факел, показывал в одно и то же время и наивное, безграничное доверие, но также и пылкость свирепого характера, смотря по обстоятельствам. Конечно, и король шутов не похож был на Адониса; он тоже был одарен редкой физической силой, но далеко не был так безобразен, как капитан Обер, и не имел такой мускулатуры. Было еще одно резкое различие между этими двумя обиженными природой людьми: комедиант одарен был высоким умом, между тем как у солдата было только непреклонное упорство. Первый смеялся над своим врагом, осыпая его эпиграммами, второй долго обдумывал удар, который хотел нанести; натягивалась тетива, стрела летела, свистела, достигала цели, и враг падал, чтобы никогда больше не вставать… как увидим впоследствии.

Как только затих звук шагов сира Кони, раздавшийся по плитам точно стук заступа, Людовик Орлеанский устремил взор на Мариету – взор, в котором светилась новая страсть, новое удивление, будто он видел ее в первый раз.

Поверить ли читатель? Ему на минуту стало как будто совестно, но, спустя минуту, он уже рассуждал сам с собою:

«Э, что там! Любовь – любовью, а дружба – это только призрак. Пусть себе Ален Шартье сколько хочет доказывает, что преданность истинного друга также благородна, как и мученичество. Мысль, конечно, прекрасная, но жена моего друга ле Фламана еще прекраснее».

Так рассуждал брат короля: если приведенная выше аксиома не удержала его, когда он обольстил свою невестку, то уж конечно, он не мог поставить на одну доску дружбу своего брата и преданность сира де Кони.

Он пожирал жгучими глазами молодую женщину в костюме новобрачной. Скромно и со вкусом, для той эпохи, сделанное платье выказывало матовую белизну плеч; светло-белокурые шелковистые локоны обрамляли милое лицо, подернутое усталостью и грустью.

Печально и тоскливо вспоминала Мариета свою прежнюю чистоту. Впечатление, оставшееся на ней после брачной церемонии, придавало глазам ее выражение робости. Эти робкие, точно подернутые туманом глаза делали ее совсем новым существом в глазах соблазнителя. Бедной обольщенной девушке казалось, будто новое крещение очистило ее от греха и что теперь она снова вернулась к чистой жизни прежних лет. Несмотря на это, она трепетала и жаждала осуществления чего-то неизвестного, что смутно чувствовалось сквозь ощущения материнства: то были золотые грезы, трепещущий свет звезды, блеск которой пробивался сквозь шелковистую и легкую ткань вуали, украшавшего ее брачный венок.

– Мариета, – заговорил принц, подойдя ближе, – вы ничего не говорите и кажетесь печальной. Однако, я сделал все по вашему желанию и вам известно, что устроить лучше я не мог. Или вам ваш муж не нравится? Это человек простой, с которым вы можете делать все, что угодно. Я именно выбрал человека такого сорта для того, чтобы вы не были слишком стеснены. Он был капитаном в отряде моих стрелков. Недавно я взял его оттуда, чтобы иметь его

всегда при себе: его наружность смешит меня.

– Ах! Так, может быть, в самом деле…

– А относительно того, что вас стесняет, так вы только скажите, что дали обет св. Деве: вот и все. А вы рассчитывали остаться при мне?.. Я и сам страдаю от этого больше чем вы, но это невозможно.

– Ваша светлость, я предпочла бы оставить все так, как вы решили. Признаюсь вам, речь отца Леграна глубоко тронула меня, и я решилась уже больше не обманывать человека, который покрыл мой позор.

– Э, нет, голубушка моя, моя красавица, у нас не такой уговор был! Господи, Боже! Вы думаете, так я и оставлю вас? Я ведь уступил только вашим мольбам, да страху вашему перед вашей благородной фамилией и только потому дозволил этот брак; но не думайте, чтобы я относился к вам безразлично… Я люблю вас одну, и ради вас не задумаюсь пожертвовать любовью хотя бы какой-нибудь королевы… Говоря эти слова, герцог посмотрел на входную дверь, точно боялся, что Изабелла Баварская стоит на пороге. Но там никого не было, только откуда-то вдруг послышалась музыка.

– А, – проговорил герцог, после минутного раздумья, – теперь помню: сегодня вечером в отеле бал вы там будете, это вас развлечет, а завтра я сам провожу вас в замок ваш, потихоньку, скромно, будто еду на охоту. Никто ничего не скажет.

– Нет, нет, ваша светлость, – возразила Мариета – решимость моя неизменна. – Довольно и того, что я скрываю от мессира Обера тайну, которая принадлежит не мне одной. Я боюсь, открыв ему эту тайну, обратить вашего преданного и признательного слугу в смертельного врага. Я принадлежу ему теперь всецело и навеки. Он мог бы найти себе супругу более чистую, но не столь верную, какой буду я.

Взволнованная Мариета вся дрожала.

– Вы огорчаете меня, Мариета если на вас так повлияла проповедь, так это скоро пройдет, лишь бы только вы, чего доброго, не влюбились страстно в своего Вулкана! Такие капризы случались… положим, в мифологии… Но христиане то

уж не станут отдавать предпочтение безобразию перед тем, что красиво.

– Как у вас достает духу еще шутить этим, ваша светлость!

– Да над чем же прикажете шутить, если не над уморительным мужем. Но, однако, музыка слышится все ближе, точно будто сюда идет. Да, да, вот и галерея освещается… скоро в отель «Сен-Поль» нахлынет толпа. Не понимаю, почему бы моему брату не перенести резиденцию в Турнельский дворец. Здесь, надо правду сказать, тесновато во время пиров и веселья… Пойдемте, моя красавица. Дайте вашу руку. Уйдем из этой залы, где того и гляди появятся свидетели нашего разговора.

– Куда же вы меня ведете? К мужу?

– Да, да, идемте… Пропадай они со своей помехой! Будь они прокляты эти скоты, что заставляют нас уходить и отсюда!

Разговаривая вполголоса, Орлеанский и Мариета прошли несколько зал, убранных на разный манер королем шутов, и остановились в одной из них, поражавшей колоссальными размерами. Фрески, писанные кистью Жана Море, и арабески переплетались во фризах ее с гирляндами цветов и толстых амуров, улетавших в тимпаны под богатую драпировку из ярко-красного штофа, привезенного с востока после крестовых походов. Нижние панели, составляя бордюр, были обрамлены широкой полоской из цветного дерева, с двумя рядами вырезанных готических украшений. Вокруг стен, обтянутых прекрасной раззолоченной фландрской кожей, стояли искусно убранные буфеты, выставки для кушаньев и редкой работы поставцы. На полках буфетов среди хрусталя и фарфора, сверкала золотая и серебряная посуда. Между этими богатствами выдавался предмет драгоценный по своей редкости. Это было венецианское зеркало в раме черного дерева, в тридцать три сантиметра вышины и ширины, зеркало, в которое смотрелась Изабелла Баварская. Позднее, оно оказывало ту же услугу Маргарите Анжуйской, супруге Карла VII. Хроника не упоминает, чтобы Агнеса Сорель также пользовалась им, но она утверждает, что Людовик XI часто смотрел в это зеркало, чтобы удостовериться – хорошо ли выбрил его цирюльник Оливье ле Ден. От короля к королю это зеркало дошло до Франциска I. При этом любезном короле, двор которого почти обратился в восточный гарем, зеркало это много раз служило рамкой хорошеньким личикам всякого разбора женщин, следовавших за двором этого монарха, немного распутного, как говорит Iuvenal des Ursins, и, наконец, Екатерина Медичи, которой оно досталось,

любила отражать в нем не только свои черты, – красивую шею, прелестные руки, но даже свои прекрасные ноги, составлявшие гордость ее, по словам Брантома. Она выставляла их при всяком удобном случае: поднимаясь по лестнице, спускаясь, переходя ручеек, в танцах и даже когда садилась небрежно в готическое кресло – нечто вроде постели, заменявшее диван. Брантом не рассказывает нам – любовалась ли Екатерина в этом зеркале (сохранившемся до наших дней и находящемся в Луврском музее) отражением блестящей стали кинжала, поразившего Колиньи и послужившего сигналом к резне гугенотов.

Как бы то ни было, в то время, как герцог Орлеанский и Мариета осматривали столь редкие и прекрасные вещи – прекрасные, если принять во внимание эпоху, к которой относится действие, и Людовик подставил к хорошенькому личику мадам де Кони маленькое и чистое как светлая вода зеркало, причем воспользовался удобным случаем нанести ей поцелуй, от которого яркая краска залила лицо ее, сделав ее еще прелестнее, – Обер ле Фламен, окончив дела свои, возвращался в отель «Сен-Поль», проходя по узким, грязным и не освещенным улицам. Относительно устройства парижских улиц уже делались некоторые распоряжения со стороны городского управления, но никто не обращал на это внимания. Заходила речь о мощении улиц, по которым свободно разгуливали и валялись в грязи свиньи; но это распоряжение парижского старшины продолжало существовать лишь в виде проекта.

Другим распоряжением предписывалось каждому горожанину мести улицу перед входом в дом, но улицы по-прежнему были непролазны, надзора за рынками и площадями не было вовсе и Париж представлял собой сплошную помойную яму. Освещение введено было гораздо позже описываемой эпохи. Одним приказом предписывалось зажигать на окнах свечи, зимой в шесть часов вечера, а летом в девять. Но зимой свечи будто бы тухли от холода, а летом рассчитывали на луну. Король шутов, всегда чутьем узнававший, где можно извлечь выгоду без особого труда и что могло послужить на пользу его театра, выпросил у королевы Изабеллы Баварской и получил привилегию употреблять фонари его собственного изобретения, они были из белой жести, прорезные с тонкими роговыми пластинками вместо стекол. В такой фонарь вставлялся кусок сальной свечки. Он учредил во всех кварталах Парижа балаганчики, где сидели мужчины и мальчики, готовые сопровождать с фонарями желающих – будь то пешком, или верхом, или в телеге – за известное вознаграждение.

И так Обер ле Фламен шествовал в отель «Сен-Поль» к своей жене, выказывая глубочайшее презрение к прямой линии, ибо обильные возлияния с

родственниками, друзьями и знакомыми были настолько неумеренны, что даже он, старый, привычный служака, чувствовал, что хватил через край. За всем тем, не будь улицы в таком скверном состоянии, да не будь куч навоза, луж стоячей воды, в которые он уходил по колено, не будь тут бродячих собак, кошек, крыс и свиней, болтавшихся в лужах, а, главное, если бы за ним по пятам не следовали четверо подозрительного вида людей, которые, при повороте в одну, особенно уж темную улицу, набросили на него то, что в те времена называлось мертвый покров, – он все-таки прибыл бы во дворец Карла VI жив и здрав. И не только не пришлось бы ему сделаться предметом насмешек толпы придворных, но даже, не случись этого, Франция не стала бы добычей англичан, вот какие маленькие причины порождают великие последствия; и насколько верно то, что судьба, управляющая государствами, как бы с удовольствием вручает жребий народов во власть чудовища или безумца!

Случай отдает Римскую империю Нерону, а Карл VI, наследственный король Франции, государь мудрый, бережливый, благочестивый, искусный политик, справедливый, осторожный, твердый в совете, неуклонный в добре, – не был бы причиной позорных и печальных страниц французской истории без дикого замысла короля шутов, кинувшего Францию на край гибели и подвергшего короля монарха физическим и нравственным испытаниям.

V. Невер и Орлеан

«Не надо славы мне, я не нуждаюсь в ней,

И до небес достичь, о, верь мне, не желаю.

Хочу любить тебя, хочу любви твоей –

И счастья большего я на земле не знаю»

– Я знаю нечто более приятное, чем летний ветерок, более сладкое, чем поцелуй пчелы в чашечку цветка, более прелестное, чем махровая роза среди густой зелени, я знаю нечто более заманчивое, чем извилистые тропинки в зеленых долинах: это ослепительный бал, усеянный живыми цветами – женщинами, брюнетками и блондинками, розовыми и белыми…

Так говорил среди бальной толпы Ален Шартье, идя под руку с Кристиной Пизанской – прекрасной венецианкой, еще ребенком переехавшей во Францию вместе с отцом своим, астрологом Карла VI. Это была женщина поэт, в настоящее время вдова пикардийского дворянина, получавшая от Карла VI пенсию в двести ливров.

В ожидании, пока скрипачи и гудочники короля шутов подадут сигнал к танцам, толпа шла следом за двумя поэтами, узнанными, несмотря на маски.

Мэтр Гонен в данную минуту был особенно озабочен. Преобладающей идеей у него была нажива и относительно целей он стеснялся ничуть не меньше того легендарного шута Тиля Уленшпигеля, из-за которого спорили Германия, Фландрия и Польша, приписывая себе каждая честь его рождения, и который забавлялся ограблением прохожих в Черном лесу. Точно также Гонен, шут короля, время от времени обирал двор. Превосходно загримированный и неузнаваемый по одежде, он разговаривал в уголке с одним своим родичем, Этьеном Мюсто.

– Видишь ли, кузен, – говорил он, – при дворе нужно только уметь воспользоваться благоприятным моментом. Сегодня ночью я проберусь к королеве, которая уж непременно станет благодарить меня за устройство праздника. Я воспользуюсь этим, чтобы представить ей тебя. Я знаю, что она готова посадить первого встречного на место короля оборванцев (le roi des ribands), которого терпеть не может из-за одного приключения, где он оказался не совсем скромным, и ты можешь быть уверен, что дело твое выгорит.

– Так-то так, – отвечал Мюсто, низкий нормандец, для которого экю от королевы и золотые флорины с орлом от короля всегда радовали сердце, – но каковы будут мои обязанности? Не трудно ли будет?

– Вовсе нет, а то я не предложил бы тебе.

– Спасибо, – сказал нормандец, приподнимая своей корявой рукой шляпу с поднятыми полями и кланяясь с лукавым видом.

– А так как, сверх того, ты можешь оказать нам важные услуги…

– Ладно, да только мне хотелось бы знать определенно – какие будут плоды, а также обязанности этого королевского достоинства.

– Обязанности состоят в том, чтобы исполнять полицейскую службу в отеле Сен-Поль и присутствовать при исполнении каждого приговора парижского прево (старшины). Плоды же равняются тридцати динариям в год и сорока парижским су на одежду тебе и твоему лакею.

– Потом налог в пять су с каждой женщины, у которой золотой пояс.

– Вот это лучше, – проговорил, улыбаясь, нормандец, – дичи прибывает.

– Потом еще ты будешь получать платье всех тех, кого будешь отводить на виселицу.

– Ого!

– Ну, а уж о самой лучшей награде мы поговорим в благоприятное время.

Затем, король шутов вернулся к эстраде, где сидел его оркестр, и стал отдавать приказания музыкантам, в ожидании пока сир Гюг де Гизей прикажет начать играть, толпа все прибывала, а герцог Орлеанский с Мариетой по-прежнему прогуливались между группами людей замаскированных и незамаскированных, разговаривая на ту же самую тему.

– Видите ли, дорогая мадам де Кони, – говорил принц, – я позову к себе его, вашего бульдога, и внушу ему, какую роль он должен играть. Золота! Сколько ему угодно золота! Ну, какой человек этого сорта не запляшет как угодно под музыку золотых монет!

– Я не могу слушать такие речи о человеке, имя которого ношу.

– Вот еще! Да ведь он получил благородство вместе с поместьем, которое я ему дал, а вовсе не по рождению. Правда, он и не вилан: семья его исстари служит – в суде. Мы называем таких людьми скрещенной породы… Кстати: куда он девался? Нам не пристало ходить так долго без него. Его отсутствие стесняет нас.

– Он, ваша светлость, вероятно, дожидается в той зале, где он оставил нас… Я пойду туда.

– Идите, милочка, и приходите поскорее. Говоря это, герцог проводил Мариету до дверей и пошел назад. Проходя, он слышал, как дяди и тетки его, разговаривая с Карлом де Савуази, точили на счет его язычки, и выражали предположение, что скоро вся Франция будет населена одними побочными Орлеанами.

Вошел герцог Неверский с сиром де Гизей.

– Вы здесь, кузен, – сказал Людовик, идя прямо навстречу своему врагу, – какой сюрприз! Но он был бы еще приятнее, если бы вы привезли с собой нашу милую родственницу – возлюбленную супругу вашу.

– Да, это я, я раздумал, – ответил герцог Неверский, – до отъезда из Франции в Венгрию, я решил побывать на бале, чтобы потом сравнить изящный двор Карла VI с двором короля Сигизмунда.

– Потому-то и следовало привезти сюда нашу кузину. Женщины в этих вещах лучшие судьи, чем мы.

Герцог Бургундский, не отвечая, взял под руку сира Гизей и пошел дальше.

– Бык! – проворчал Орлеанский, – ступай бить неверных: всех не перебьешь!

Он смеялся, расхаживая по зале, когда какая-то женщина в маске и в черном домино подошла к нему и взяла его под руку, шепнув ему на ухо свое имя.

– Вы здесь, Маргарита! – сказал он глухим голосом.

– Да, ведь я же предупредила вас запиской.

– Правда, но ведь и муж ваш здесь.

– Он не узнает меня в этом костюме.

– Он бы убил вас, этот зверь!

– Ну что ж! Я готова умереть за тебя!

– Но я не хочу, чтобы ты умерла!

– Я пришла сказать тебе… Он заставляет меня ехать с ним в Венгрию, но я останусь твоей. Вот, возьми, береги это.

И герцогиня Неверская сунула в руку Орлеанского крохотный портрет, работы Жеана Море, того самого, который, как сказано выше, учил герцога живописи на фарфоре.

– Ты здесь очень похожа, обожаемая Маргарита.

– Прощай, Людовик. Осторожность велит мне уйти.

– Как! Так скоро расстаться с тобой! Я провожу тебя до отеля д'Артуа.

– Какое безумие!

– Пойдем.

Герцог Орлеанский напрасно старался пробиться сквозь толпу, которая стояла стеной: каждый старался удержать за собой место, чтобы получше видеть обещанный маскарад. Ведь король шутов поклялся, что превзойдет самого себя! А тем временем герцог обдумывал способ, как бы устроить новое свидание с Маргаритой.

– Маргарита, – сказал он, после минутного размышления, – возьмите этот золотой ключик – чудная работа одного мастера в Брюгге. Это ключ от подземного хода в мой замок де Боте, выходящего к часовне св. Сатурнина, куда ваш муж, конечно, не запретит вам пойти помолиться за успех экспедиции в Венгрию…

Герцогиня едва успела схватить и спрятать ключик, поданный ей Орлеанским. Богато одетая женщина, с маской на лице, страшным усилием воли пробившись

сквозь толпу, стала перед ними с угрожающим видом. Она схватила герцогиню за ее монашескую рясу, – ибо та была облачена именно в этот костюм, – и проговорила, задыхаясь:

– Герцог! Вы похожи на волка с добычей, которому помешали уйти. Что это за овечка, у которой такая мягкая шерстка?

В те времена шелк еще не был известен. Он вошел в употребление только при Карле VIII. Отсюда намек на шерсть.

Герцог Орлеанский с первых слов узнал Изабеллу Баварскую, которая продолжала теребить герцогиню за шерстяное платье, точно хотела разорвать его.

– Это не Мариета ли д'Ангиен? – продолжала королева, – или Колина Демер, или мадам де Молеврье? Ах, все зерна на четках долго пересчитывать!

– Сударыня, – возразил Людовик, – нашли ли бы вы уместным, если бы кто-нибудь разрешил загадку, под которой прячутся эти чудные белокурые волосы, эти молниеносные голубые глаза, эта лебединая шея, этот рост, в котором изящество соединяется с величием?

– Я сама нарушаю мое инкогнито: пусть и мне ответят тем же.

Она выпустила платье герцогини, чтобы отвязать маску. Герцогиня отступила, но Орлеанский не успел бы отвести ее дальше, если бы королева, стараясь развязать шнурки маски, не затянула их еще больше. Пока она старалась разорвать узел и на минуту зажмурила глаза, у герцога Орлеанского блеснула смелая, гениальная мысль. Увидев в нескольких шагах от себя Иоанна Неверского, он быстро подвел к нему его жену.

– Кузен, обращаюсь к вам, как к рыцарю, – сказал он с чувством собственного достоинства. – Для меня чрезвычайно важно, чтобы эта дама осталась неизвестной. Дайте честное слово, что вы не будете стараться узнать, кто она. Носилки мои у ворот отеля. Проводите эту даму, не заговаривая с ней. Согласны вы?

– Вы принимаете меня за короля шутов, проворчал Невер.

– Я принимаю вас за полководца, которому дам больше войска, чем он от меня требовал.

– Хорошо, – сказал Невер.

Подав трепещущей в своем шерстяном платье женщине свою костлявую, волосатую руку и нисколько не подозревая, что маленькая ручка, лежащая в его руке, точно нежный алмаз в тисках, – рука его жены, он жестом открыл проход в толпе и удалился.

Все это произошло так быстро и так неожиданно для Изабеллы, что она, уже освободившись от маски, минуты две задыхалась от ярости, прежде чем могла подойти к принцу и сказать ему почти вслух:

– Вероломство! Измена!

– Изабелла! Опомнитесь! Я сегодня с ней в последний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/de-nerval-_zherar/korol-shutov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить